

УДК 94(470)''19/20

*Стасюкевич С.М.
Stasyukevich S.M.*

Земельная политика советской власти и землеустройство на Дальнем Востоке в 1920-х гг.

Land policy of Soviet power and planning in the Far East in the 1920-s

На основе анализа земельной политики и практики землеустройства в исследовании предпринята попытка осмыслить проблемы землепользования и землевладения на Дальнем Востоке в контексте новейших концепций аграрного вопроса. Автор приходит к выводу, что советская власть в 1920-х гг. через направляемое землеустройство стремилась к концентрации земельных ресурсов в руках государства. Меры, направленные на рационализацию землепользования крестьянских хозяйств, не были реализованы.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, Дальний Восток, землеустройство, земельная политика, аграрный вопрос*

Based on analysis of land policy and planning practices the study attempts to understand the problem of land tenure and land use in the Far East in the context of the latest concepts of the agrarian question. The author concludes that the Soviet power in the 1920-th through the guide planning sought to concentrate land in the hands of the state. Measures aimed at rationalization of farms land were not implemented.

Key words: *New Economic Policy, the Far East, planning, land policy, agrarian question*

История земельных отношений на Дальнем Востоке в период новой экономической политики и до настоящего времени изучается в рамках советской историографической традиции [5; 12]. Исследования, затрагивающие эту проблему в постсоветский период, относительно малочисленны и в целом остаются в рамках прежней концепции. Земельная политика, землеустроительные мероприятия рассматриваются в качестве важнейшего рычага подъема сельского хозяйства, положительно оцениваются процесс ограничения землепользования зажиточных старожилов и усилия власти, направленные на развитие коллективных форм эксплуатации земельных ресурсов [6; 7]. Фиксируя неоднозначность результатов реализации советской земельной политики на Дальнем Востоке (недостаточную экономическую эффективность, сохраняющуюся пестроту земельных отношений и неудобства землепользования), авторы новейших исследований объясняют их внешними причинами (отсутствием сопровождающих землеустройство агротехнических и мелиоративных мероприятий, прочностью общинных традиций), но не земельной политикой как таковой [7, с. 54].

По нашему мнению, переосмысление истории земельных отношений возможно в рамках новой концепции аграрного вопроса, предложенной А.Н. Медушевским, согласно которой в его основе лежит осознание обществом легитимности существующих прав на владение землёй. При этом под легитимностью понимается не только и не столько соответствие прав на землю действующему закону, сколько принятие существующих институтов массовым общественным сознанием [8, с. 13].

«Чёрный передел», развернувшийся в ходе российской аграрной революции 1917–1918 гг., не привёл к окончательному решению аграрного вопроса, поскольку далёким от завершения оставался процесс легитимации земельных отношений. В реальности 1920-х гг. имел место конфликт двух вариантов дальнейшего развития аграрного вопроса, отражающий ситуацию неопределённости в вопросе о том, кто будет, в конечном счёте, собственником земельной ренты – крестьяне или государственная бюрократия. Первый вариант – социализация, которая, пройдя через этап уравнительного передела, в условиях развития товарно-денежных отношений объективно вела к коммерциализации аграрного сектора и становлению рациональной рыночной экономики. Второй – национализация, когда аграрные преобразования направлялись на установление государственной собственности на землю и воспроизводство в новых условиях служилого государства, несовместимого с рациональной экономикой [8, с. 383–384]. В контексте указанного подхода большой интерес представляет вопрос о региональных особенностях реализации земельной политики советской власти на дальневосточной окраине, о способах борьбы дальневосточного крестьянства за свои права на землю.

Земельные отношения в дальневосточной деревне, формировавшиеся в процессе поздней колонизации региона, обладали рядом отличительных черт. Во-первых, это исторически сложившаяся своеобразная структура землепользования и землевладения, характеризовавшаяся наличием неравнозначных по масштабам и качеству земель, находящихся во владении (пользовании) групп населения: старожилы с наделом в 100 дес. на семью, казаки с душевым наделом в 40 дес., новосёлы, обеспечивавшиеся 10–15 дес. на мужскую душу (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 17). Во-вторых, это особенности дальневосточной общины, отнюдь не являвшейся аналогом переделной общины европейской части страны. Изначально в хозяйственном освоении Дальнего Востока царским правительством делалась ставка на более свободный переход крестьянства к частному землевладению. В ходе реализации столыпинской аграрной реформы деревня зерновых дальневосточных районов активно включилась в процессы внутринадельного размежевания и оформления личной собственности на землю [9; 11]. В первой половине 1920-х гг. советские органы земельного управления отмечали, что дальневосточная деревня в большинстве своём не знала регулярных переделов на протяжении десятилетий (ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 102; ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 1). В-третьих, это особенности землеустройства, носившего «примерный» характер, и состояние земельного учёта. До революции отводы сельским обществам производились не по наличному числу хозяйств, а с учётом будущего доприселения, без съёмки внутренних угодий. Планы этих отводов составлялись как временные проекты. Документы на большинство таких отводов оказались утраченными во время интервенции и Гражданской войны [1, с. 72]. Позже на территории ДВР (1920–1922 гг.) единой системы распоряжения и учёта земельными ресурсами так и не сложилось. В итоге, советские органы управления, приступая к преобразованиям, не располагали точными

сведениями о распределении земельных ресурсов (ГААО. Ф. п-9. Оп. 1. Д. 270. Л. 31-31 об.; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 271. Л. 32).

На земельные отношения большое влияние оказала внутриобластная миграция, начавшаяся во время революции и Гражданской войны и продолжавшаяся в течение всех 1920-х гг. Так, в казачьих земельных отводах Амурской губернии к 1923 г. переселенцы из других районов Дальнего Востока и Прибайкалья основали по официальным данным 20 новых посёлков, однако, по мнению губземуправления, в реальности их было гораздо больше. Заставляли крестьян сниматься с мест и искать новое место жительства утрата прежних заработков в таёжных районах из-за падения сбыта леса, частые наводнения в низовьях Амура и других прибрежных районах, неудовлетворённость земельной обеспеченностью в прежних местах проживания. Все переселенцы претендовали на обеспечение земельными наделами (ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 д. 49. Л. 9-10).

Аграрная революция не затронула Дальний Восток: тотального уравнительного перераспределения наделных крестьянских земель в 1918–1922 гг. регион не знал. Не предполагала коренной ломки сложившейся в регионе системы землепользования и аграрная политика ДВР, нацеленная на создание условий для расширения производства хлеба и предотвращение социальных конфликтов в деревне, по оценке местных коммунистов, неизбежных в случае эскалации аграрной революции [12, с. 336–340; 2, с. 460].

В период ДВР значительная часть крестьян-старожилов, прежде всего зажиточных, постаралась расширить своё землевладение и закрепить за собой личные права на землю. В Амурской области и Забайкалье широкое распространение получили самовольные захваты крестьянами бывших частновладельческих, казённых, свободных переселенческих участков и прочих земель запасного фонда, пустующих наделных земель. Деревня попыталась с помощью частных землемеров форсировать разверстание общинных наделов на единоличные участки. Все это вынуждало областные земельные отделы принимать специальные постановления, направленные против самочинных захватов наделных земель и их закрепления в личное владение (РГИА ДВ. Ф. р-1731. Оп. 1. Д. 1086. Л. 25; ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 д. 49. Л. 9).

Во время восстановления советской власти земельное неравенство, запутанность землепользования и неопределённость прав пользования, усилившееся за время революции стремление населения разрешить земельные вопросы своими средствами привели к обострению земельного вопроса. Иногда конфликты доходили до драк, как это было, например, в Благовещенском уезде в 1923 г. По оценке Амурского губземуправления весной 1923 г. в старожильческом районе Амурской губернии клубок земельных противоречий между старожилами, казаками, переселенцами и бывшими частновладельцами был настолько запутан, что дальнейшая оттяжка в разрешении земельного вопроса была недопустима. Дальневосточное областное земельное управление отмечало, что у крестьянина была «...только одна забота – как можно скорее и больше получить земли». Лейтмотивом крестьянских конференций, повсеместно проводившихся советской властью в октябре-ноябре 1923 г., стал вопрос о земле. На конференциях предьявлялись многочисленные претензии к организации землеустройства, говорилось о необходимости скорейшей нарезки земли и леса, об ускорении землеустроительных работ, уничтожении неудобств землепользования: чересполосности, вклиниваний, дальнотельных земель. Часть обществ поддерживала идею перераспределения наделной земли на уравнильно-трудовых началах. Особенно остро стоял вопрос об использовании земли государственного фонда, которая представлялась крестьянам бесхозной (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52).

Л. 17; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 271. Л. 32; Ф. 478. Оп. 3. Д. 2277. Л. 1-5; ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 д. 49. Л. 9).

В Приморье, куда с каждым годом увеличивалась миграция корейских крестьян, земельный вопрос быстро приобрёл национальную окраску. Восстановление советской власти на Дальнем Востоке, провозглашавшей принципы пролетарского интернационализма, давало корейским крестьянам надежду на равноправное обеспечение трудовыми земельными наделами. Корейцы-старожилы считали себя обиженными в вопросах землеустройства ещё с царских времён вследствие наделения их половинной нормой земли (15 дес. на двор) и требовали закрепить за ними фактически обрабатываемые земли, что на деле означало необходимость забрать эти участки у прежних владельцев – русских крестьян [10, с. 156-157]. Наиболее остро межнациональные проблемы стояли в Посыетском районе Приморья, где корейцы, указывая, что они составляют 85% населения, даже поднимали вопрос об образовании особого государства, а переход в советское подданство тесно связывали с наделением землёй. Русские же крестьяне протестовали против свободной раздачи земель корейским крестьянам, настаивали на том, что «земля наша, мы её разрабатывали» и требовали «без согласия общества никого землёй не наделять» (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2277. Л. 5).

Крестьянские конференции 1923 г. выявили желание участников навести порядок в землепользовании, что способствовало позитивному отношению дальневосточников к Земельному Кодексу РСФСР как средству «разобрать весьма запутавшиеся земельные отношения» (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 2277. Л. 5).

На территории Дальнего Востока Земельный Кодекс РСФСР (1 декабря 1922 г.) был введён в действие постановлением Дальревкома от 23 января 1923 г. Кодекс признавал землю общенародной собственностью, делегировал крестьянам право её использования и закреплял за ними земли, перешедшие в их фактическое трудовое пользование на основании постановлений земельных органов или местных советов. Таким образом законодательно утверждались результаты аграрных преобразований советской власти в 1917–1918 гг. Одновременно Кодекс прекращал обязательное межселенное и межволостное поравнение землепользования и предоставлял крестьянам право выбора форм землепользования: общинная, с уравнительными переделами земли между дворами; участковая, с неизменным размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков; товарищеская, с совместным использованием землёй членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуну, артель или товарищество по общественной обработке земли [7, с. 29–30; 8, с. 381–382].

Однако на Дальнем Востоке советской власти оказалось невыгодно форсировать применение всех норм Земельного Кодекса на практике, поскольку это привело бы только к закреплению сложившегося сословного, этнического и географического неравенства в землепользовании. Проблема реализации советских норм земельного права в регионе бурно обсуждалась дальневосточными специалистами и управленцами. Результатом обсуждения данного вопроса на совещании по работе в деревне при Амурском губкоме РКП(б) 26 мая 1923 г. стала рекомендация о необходимости предпринять «некоторые отступления от форм Земельного Кодекса при сохранении его основной сущности – закреплении спокойного землепользования за хлеборобом» (ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 Д. 49. Л. 9-14). В августе 1923 г. уполномоченный Наркомзема по Дальнему Востоку П. Мамонов в своём докладе на коллегии Наркомата Земледелия также настаивал на особом подходе к разрешению земельных проблем в регионе (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 271. Л. 32). В целях разработ-

ки поправок в Земельный Кодекс применительно к местным условиям в июле 1923 г. при Дальземуправлении было созвано Землеустроительное совещание. 13 мая 1924 г. Дальревком утвердил «Временное положение о применении Земельного Кодекса в губерниях Дальневосточной области», положившее начало внедрению уравнительного землепользования в регионе. Согласно документу за земельными обществами закреплялись наделы, которые когда-либо были им предоставлены, но наделы, не использовавшиеся полностью, закреплялись только тогда, когда их размеры «... не превышали количества земли, необходимого для полного хозяйственного развития землепользования, определяемого возможностями трудового освоения земли» [7, с. 32].

Основной целью земельной политики советской власти на Дальнем Востоке являлась ликвидация сословности землепользования, внедрение советских норм земельного права и обеспечение перехода к фактическому трудовому пользованию. Средством осуществления земельной политики становилось землеустройство (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 16–26; ГААО. Ф. р-481. Оп. 2. Д. 11. Л. 193; Ф. п-9. Оп. 2. Д. 270. Л. 42-43; Ф. р-31. Оп. 1. Д. 95. Л. 34).

В первую очередь, было проведено землеустройство бывших частных земельных владельцев. В Амурской губернии, например, согласно данным губземуправления, насчитывалось 448 частновладельческих участков общей площадью 48 тыс. дес. На половине участков существовало хозяйство трудового типа. Многие частные землевладельцы одновременно состояли членами сельских обществ. В течение 1922–1923 г. основная масса бывших частных владельцев была наделена землёй по трудовой норме (ГААО. Ф. п-9. Оп. 2 д. 49 Л. 11–12).

По инициативе губернских земельных управлений и в обязательном-принудительном порядке, без согласия самих землепользователей, началось землеустройство бывших казачьих селений в целях изъятия значительных земельных излишков, закреплённых за этим сословием дореволюционными отводами [7, с. 32].

Внедрение трудовых начал в землепользовании столкнулось с отсутствием единой методики определения трудовой нормы. Дальземуправление, учитывая многообразие природно-климатических и экономических условий дальневосточных территорий, предоставило губернским земельным управлениям решать эту задачу самостоятельно [7, с. 33]. Земельные работники подчёркивали, что только на основании громадной работы по повсеместному подворному учёту фактического землепользования можно выявить реальные размеры свободных земель и определить конкретные нормы наделения землёй (ГААО. Ф. п-9. Оп. 1. Д. 270. Л. 30–31). Однако ни кадровыми, ни финансовыми, ни временными ресурсами для реализации столь масштабных задач дальневосточные земельные управления не обладали. В результате нормы, устанавливаемые губернскими земельными управлениями с учётом местной специфики, расценивались властными органами как завышенные, в дальнейшем они постоянно пересматривались в сторону уменьшения. Так, в первой половине 1920-х гг. Амурское губземуправление отводило земельным обществам наделы по норме 6,5–7,0 дес. на едока и выше. В 1926 г. Амурской переселенческой партией была установлена норма в 5 дес. на едока. В марте 1927 г. такую же норму утвердило в качестве единой для всего края Дальневосточное краевое земельное управление. Эта же норма действовала и в 1928 г. (ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 7 об.-8, 77 об.; Ф. п-5. Оп. 1. Д. 223. Л. 140).

Несмотря на то, что к началу 1920-х гг. в дальневосточной деревне существовали определённые и достаточно многочисленные группы крестьян, заинтересованные в перераспределении земли (малоземельные

или безземельные новосёлы и переселенцы, корейцы в Приморье), являвшиеся естественной опорой советской власти в проведении аграрных преобразований, влиять на решение земельного вопроса в своих селениях самостоятельно они не могли.

Понадобились специальные усилия местной власти для инициирования процесса уравнительного перераспределения земли. 17 июля 1924 г. Забайкальский губисполком принял обязательное постановление «О производстве переделов пахотных и сенокосных угодий в обществах с общинным порядком землепользования», согласно которому все земельные общества без исключения обязывались произвести, «начиная с настоящего года, первоначальный передел пахотных и сенокосных угодий на срок не менее 10 лет». Официальными причинами принятия данного постановления послужили стремление ликвидировать внутриселенное неравенство в обеспечении землёй и наделить пахотными угодьями нуждающихся, что должно было содействовать поднятию продуктивности сельского хозяйства. Отдельно оговаривался случай для земель, на которых были произведены улучшения, в том числе и пашен, расчищенных из-под леса. Такие земли включались при переделах в общее количество разверстываемых земель, но закреплялись за прежними владельцами, за исключением случаев выявления излишков пахотных угодий. Улучшенные пашни, превышавшие установленные нормы, перераспределялись на общих основаниях, но новые пользователи должны были компенсировать затраты, которые понёс прежний хозяин на улучшение полей (ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 250–251).

Действительные цели постановления раскрывались в секретном циркуляре губисполкома и губземуправления, направленном в адрес председателей уездных и волостных исполкомов Забайкальской губернии. Согласно циркуляру, переделы пахотных и сенокосных угодий следовало провести таким образом, чтобы «сделать шаг, хотя бы незначительный, вперёд к коллективизации». Уездные и волостные советы должны были «путём пропаганды, практической постановкой влияния на переделы, добиваться выделения бедняцких и середняцких групп крестьянства на земли лучшие, близкие к сёлам, не разбивая на несколько полей, а стремясь выделить по группам середняцко-бедняцкие хозяйства в одно поле». Следующим пунктом предписывалось «решительно бороться за недопущение выхода зажиточных крестьян на хутора, так как эта форма особенно укрепляет единоличное хозяйство». Переход на хутора допускался только в случае отвода таким крестьянам «худших отдалённых участков» (ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 246–249).

Однако местная деревня всячески саботировала реализацию данного постановления. В 1925 г. переделы начались в 211 из 748 сел Забайкальской губернии, но завершились в том же году только в 92. Большая часть как землеустроительных работ проводилась за счёт уездных бюджетов: из 178 селений, где землеустройство планировалось завершить летом 1925 г. только 36 изъявили согласие оплатить работы по самому минимальному расчёту. В 1926 г. Читинский окружком партии, окружной отдел ОГПУ продолжали фиксировать повсеместное и массовое сопротивление крестьянства навязываемому перераспределению земли: собрания по земельному вопросу проходили бурно и, как правило, заканчивались срывом, села либо отказывались от голосования вовсе, либо голосовали против резолюции о начале переделов (ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 312 об. – 313).

Партийные органы 1920-х гг., а вслед за ними и советская историография, считали, что противодействие земельной политике советской власти и землеустроительным работам оказывала кулацкая, зажиточная верхушка. На самом деле нередко по земельному вопросу солидарно

с зажиточными выступали не только середняки, но и бедняки (ГАЗК. Ф. п-75. Оп. 1. Д.121. Л. 119). Особенно консолидировано сельские общества сопротивлялись выделению земли новосёлам. Например, в с. Цасучей Оловянинского района 30 безземельных семей, поселившихся здесь ещё на рубеже XIX–XX вв., спустя четверть века так и не смогли получить земельные наделы. Цасучеевское общество отказывалось выделить им землю, ссылаясь на её малое количество. В 1925 г. заявление безземельных крестьян о предоставлении наделов было удовлетворено земельными органами, но общество в 1925–1926 гг. неоднократно обжаловало это решение, и дело каждый раз отправлялось на пересмотр (ГАЗК. Ф. п-75. Оп. 1. Д.121. Л. 120). В производящих районах Амурского округа 1925–1926 г. крестьяне, ожидая притока новой волны переселенцев, в массовом порядке начали захват новых лучших земель, не бросая в то же время и старых запашек. Таким образом они хотели обеспечить свои земельные интересы, заставляя переселенцев идти на худшие, менее удобные и трудно разрабатываемые участки (ГААО. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 6. Л. 54, 57-58). В 1927 г. отказались принять переселенцев на свои земли жители сел Скобельцево Амурского округа и Шмаковки Владивостокского округа. Обычным явлением стали запугивания переселенцев, поджоги их жилищ и порчи скота зажиточными старожилками. Имели место даже случаи убийств переселенцев в ходе земельных конфликтов [7, с. 48]. Распространённой формой сопротивления земельной политике советской власти была неявка на собрания, в силу чего они оказывались неправомочными (ГАЗК. Ф. п-75. Оп. 1. Д. 121. Л. 35–36, 118–120).

В первой половине 1920-х гг. на Дальнем Востоке государство направляло основные усилия земорганов на формирование фонда государственных земельных имуществ и переселенческого фонда. В этих целях были развёрнуты масштабные работы по межселенному землеустройству, в ходе которых у старожильческого и казачьего населения была отрезана значительная часть угодий.

Как видно из *таблицы 1*, в 1923–1927 гг. на межселенное землеустройство приходилось более 70% всего объёма землеустроительных работ. Только в бывших казачьих землях Амурской губернии из отме-

Таблица 1. Объёмы землеустройства на Дальнем Востоке (1923–1927 гг.), в дес.

Округа	Виды землеустройства			
	Межселенное	Внутриселенное	Разные отводы	Всего
Владивостокский	1 151 974,00	185 229,00	417 441,00	1 754 644,00
Хабаровский	510 360,00	3 813,00	212 394,00	726 567,00
Амурский	618 615,00	182 423,00	279 869,00	1 080 907,00
Зейский	16 500,00	-	1 100,00	17 600,00
Сретенский	1 335 447,00	49 609,00	8 451,00	1 393 507,00
Читинский	653 268,00	273 941,00	170 337,00	1 097 546,00
Итого по ДВК	4 286 164,00	695 015,00	1 089 592,00	6 070 771,00

Источник: (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 19-об.)

жеванных в качестве излишков сверх трудовой нормы землепользования участков был создан переселенческий фонд площадью 700 тыс. дес. Всего по трём дальневосточным губерниям в колонизационный фонд изъяли 1,6 млн. десятин [7, с. 42; 12, с. 431]. В Приморье значительная часть отрезанных у русских крестьян земель была передана в наделы корейцам. К середине 1920-х гг. из многоземельных приморских старожильческих обществ было изъято около 170 тыс. дес. излишков, в то же время корейским хозяйствам было отведено в надельное пользование 118 080 дес. земли, в том числе удобной 85 480 дес. На 1 октября 1926 г. во Владивостокском округе 8007 корейских дворов (42,5% всего их количества) имели трудовой земельный надел. Сохранение значительного количества безземельных дворов (10892 или 57,5%), во многом объяснялось растущим потоком иммигрантов, высоким естественным приростом корейского населения и тем, что большинство корейцев не являлись советскими гражданами, а значит, не имели законных прав на обеспечение трудовыми наделами [7, с. 40; 10, с. 134–135, 166].

Советская власть постоянно подчёркивала агрикультурный и экономический потенциал межселенного землеустройства, в ходе которого в 1,5–2 раза сокращались расстояния от селений до дальних пашен, в сельскохозяйственный оборот вовлекались близлежащие к деревням земли, прежде находившиеся под выгонами или залежами (ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 1об-2).

Однако дальневосточные специалисты-землеустроители отмечали, что преобладание межселенного землеустройства крайне затрудняло оценку экономической эффективности проведённых работ (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 25). Нередко его результатом становилось только обострение земельных противоречий. Примером может служить ситуация, сложившаяся в Михайловском районе Амурского округа. Землеустройство началось здесь в 1923 г. Амурское губземуправление «в целях изъятия излишков от старожильческого населения». Первоначальная норма наделения землёй была определена в 7 дес. удобной земли на едока, излишки сверх этой нормы выделялись в колонизационный фонд, из которого было образовано в 1925 г. 34 переселенческих участка. Несмотря на то, что проекты губземурпалвения предусматривали отведение старожильческим обществам излишков сверх нормы на доприселение и наделение землёй отсутствующих хозяйств, крестьяне протестовали против такого землеустройства и настаивали на оставлении в их распоряжении всего прежнего отвода. Последовавшее в 1926 г. снижение некоторым обществам норм землеобеспечения до 6–6,5 дес. вызвало ещё большие протесты со стороны населения. «В итоге землеотводно-землеустроительное дело привело к тому, что в делах старожильческого населения района была создана полная неопределённость землепользования и резко обострились негативные настроения в крестьянской среде», – отмечалось в отчёте Амурской переселенческой партии. На выделенных уже излишках работы тоже не были закончены, из-за чего использовать их для переселения было невозможно. Крестьяне, считая спор нерешённым, пытались препятствовать закреплению неоформленных участков за переселенцами. Конфликты удалось урегулировать только в 1927 г. усилиями специально созданной комиссии (ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 77–77об.). Ситуация в Михайловском районе – не исключение. На протяжении всех 1920-х гг. отведённые в колонизационный фонд земельные земли во многих случаях фактически продолжали использоваться старожилками. Незавершённость землеустройства и неоформленность его результатов порождали острые противоречия между старожилками и переселенцами, становились одним из немаловажных

факторов, побуждавших крестьян к возвращению в Европейскую Россию (ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 95. Л. 33; Ф. п-9. Оп. 1. Д. 270. Л. 28).

Стремясь не допустить изъятия земельных излишков, старожилы предъявляли большой спрос на внутриселенное землеустройство, видя в нем инструмент закрепления за собой прежних отводов. Например в Забайкалье в 1923–1924 гг. заявления на размежевание земель внутри общин подали 160 казачьих и 33 старожильческих крестьянских селения, общая площадь земель, на которые они претендовали – около 1,9 млн га. Местными землеустроителями были спроектированы земельные отводы по очень высоким и ни с кем не согласованным нормам – в 9–14 дес. удобной земли на едока. Кроме того, проектировались прирезки самых ценных частей из смежных свободных переселенческих участков прежней заготовки, доходных статей и земель госзапаса. В конце 1924 г. проекты земельных отводов были одобрены уездными и Забайкальским губернским землеустроительным совещаниями. Но Дальневосточное краевое земельное управление, указав на недопустимость подхода к определению земельных норм на основе интересов местного населения, а не государственных потребностей в землях сельскохозяйственного назначения, отказалось утвердить эти решения. Несмотря на это, местные землеустроители продолжали производить отводы земель крестьянам по несогласованным и повышенным нормам. В 1927 г. была проведена земельная регистрация по завышенным нормам в старожильческих селениях Амурского округа. Отводы, произведённые приморскому крестьянству в 1923–1927 гг., по оценке инспекции Наркомзема, также имели «несомненные земельные излишки». Сложившаяся ситуация объяснялась несколькими обстоятельствами. Прежде всего, местные земельные управления испытывали хроническое недофинансирование землеустроительной работы, а временами сталкивались и с полным отказом в выделении средств на содержание землеустроительного аппарата из местных бюджетов. Стремясь сохранить своих специалистов, земуправления «твёрдой земельной политики не вели», а лишь исполняли желания крестьянства, оплачивавшего работы. Все руководство процессом землеустройства фактически осуществляли уполномоченные от селения, которые сложные вопросы, например, размещение угодий, выносили на рассмотрение схода, а вопросы второстепенного порядка решали сами. Оставляя желать лучшего, с точки зрения советской власти, и мировоззренческие установки дальневосточных землеустроителей, в подавляющем большинстве оказавшихся невосприимчивыми к новым идеологическим веяниям. В то время как государство ставило перед ними задачу придать землеустройству «классовое» содержание и начать подготовку перехода к коллективным формам землепользования, сами землеустроители продолжали смотреть на себя лишь «как на техническую силу», обязанную исключительно межевать, а не определять направление развития земельных отношений. Краевое земельное управление и Наркомзем вынуждены были противостоять этой практике, поскольку стремление дальневосточников сохранить за собой прежнее фактическое пользование землёй, вольно или невольно поддерживаемое местными землеустроителями, противоречило целям земельной политики государства. (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 18 об. – 19, 24, 36).

Среди причин небольших объёмов внутриселенного землеустройства исследователи называют отсутствие в деревне средств на оплату землеустроительных работ [7]. Однако дело было не столько в отсутствии денег, сколько в нежелании крестьян оплачивать работы, направленные на ограничение их прежних угодий. В докладе об обследовании земельных комиссий ДВК инструктор Наркомзема прямо подчеркнул: «..население в силу того, что у него изымается земля, платить за такое

изъятие, хотя бы и с попутным землеустройством, не будет» (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 36). В Забайкалье большая часть как межселенных, так и внутриселенных работ проводилась за счёт уездных бюджетов: из 178 селений, где землеустройство планировалось провести летом 1925 г., только 36 изъявили согласие оплатить работы по самому минимальному расчёту (ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 312 об – 313). В то же время крестьяне охотно финансировали деятельность землеустроителей по закреплению за ними прежних отводов, но такого рода активность населения, как было показано выше, не поддерживалась властью. В 1923–1927 гг. в землеустройство дальневосточной деревни было вложено 1 082, 07 тыс. руб., из них 59,4% – это средства государственного и местного бюджетов, 26,6% – крестьянства, 14% – кредиты Дальсельбанка (ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 24). Советская власть весьма осторожно относилась к оплате землеустройства крестьянами, опасаясь, что это поставит землеустроительный аппарат в зависимость от населения и он не сможет проводить нужную земельную политику (ГАЗК. Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1334. Л. 312 об – 313).

В целом внутриселенное землеустройство в дальневосточной деревне составило 11,4% всего объёма землеустроительных работ (таблица 1). Вместе с тем, советская власть осознавала, что без проведения внутриселенных работ землеустройство нельзя считать завершёнными. Во второй половине 1920-х гг. внимание государства к этому виду межселенных работ возросло: в плане землеустройства ДВК на 1927 г. оно занимало около половины всех работ (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 941. Л. 278).

В условиях советской власти изменилось само содержание внутриселенного землеустройства. С одной стороны, сохранялись традиционные его цели: оптимизация и рационализация землепользования, на достижение которых была направлена деятельность Дальневосточного краевого и окружных земельных управлений. В процессе внутриселенного землеустройства на основе составленного в ходе межселенных работ агропроекта должны были пролагаться в натуре границы полей, соответствующие установленному севообороту. Внутриселенное землеустройство должно было стать толчком для перехода и старожилов, и переселенцев к прогрессивным методам ведения хозяйства, в частности, к многопольным севооборотам (ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об., 8-об., 34; Ф. п-9. Оп. 1. Д. 270. Л. 57–570 об.; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 104. Д. 941. Л. 277–278).

Далеко не все внутриселенное землеустройство было направлено на улучшение землепользования индивидуальных крестьянских хозяйств. Наиболее распространёнными видами внутриселенного землеустройства, включавшимися в общую статистику, были работы, направленные на создание условий для перехода к коллективному землепользованию: образование выселков, отвод участков коммунам и земледельческим трудовым артелям.

На Дальнем Востоке внутриселенное землеустройство рассматривалось как одна из мер решения государственной задачи по заселению края. С 1926 г. землеустроительные работы были подчинены плану колонизации и, наряду с земуправлениями, ими стали заниматься Переселенческое управление и переселенческие партии на местах, основной целью которых было формирование колонизационного фонда. В условиях ограниченного финансирования переселенческие организации концентрировали все ресурсы на проведении межселенного землеустройства, полагая, что «внутриселенные работы должны исполняться преимущественно земельными органами за счёт средств населения, банковского кредита и бедняцкого фонда. Однако и они вынуждены были заниматься внутриселенными работами. Так, Амурской пересе-

ленческой партией в 1927/28 г. планировалось провести внутриселенное землеустройство на площади в 179 992 дес., с количеством населения 22 306 чел. Основной целью внутриселенного землеустройства, производимого переселенческими партиями, являлась не рационализация крестьянского хозяйства, а заготовка колониционного фонда «... исключительно путём изъятия земельных излишков от старожильского населения» (ГААО. Ф. р-31. Оп. 1. Д. 36. Л. 8-об.; Д. 95. Л. 29об-30, 34; ГАРФ. Ф. 5201. Оп. 6. Д. 52. Л. 19).

В конце 1920-х гг. стали акцентироваться классовые задачи землеустройства. Постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1927 г. «Директивные указания для выработки союзного закона о землеустройстве и землепользовании» цель землеустройства определило как «наибольшее содействие землепользования основной массы бедняцких и середняцких хозяйств при всемерном содействии развитию коллективных форм землепользования, кооперированию крестьянства». В постановлении особо оговаривалась новая трактовка принципа бессрочности трудового землепользования, который должен был быть разъяснён «... в том ограниченном смысле, что изъятие земли от трудового пользователя не определятся наперёд никаким сроком, установленным в законе или договоре, а ставится в зависимость только от наступления определённых условий, предусмотренных как в самом союзном законе, так и в законодательстве союзных республик: прекращение трудового использования земли, переселение, занятие земли для государственных или общественных надобностей и прочее» (ГАРФ. Ф. 1265. Ф. 73. Оп. 1625. Л. 26). Резолюция XV съезда партии «О работе в деревне» направляла земельную политику на ограничение практики выделения участковых форм землепользования, первоочередное землеустройство бедняцких и маломощных слоёв крестьянства за счёт государства, отвод этим хозяйствам лучших участков, всемерное содействие развитию форм землепользования, наиболее благоприятных для дальнейшего кооперирования сельского хозяйства [4, с. 307-308].

В рамках реализации новых установок весной 1928 г. на Дальнем Востоке управление земельными делами общества было передано сельсоветам в тех селениях, где район их действия совпадал с границами земельного общества. Во всех остальных случаях приговоры земельных обществ по вопросам землепользования вступали в законную силу только после утверждения их сельсоветами. В целях ослабления влияния на земельное дело общества кулацкой верхушки, от участия в сельских сходах с правом решающего голоса отстранялись лица, лишённые избирательных прав. Участковые формы хозяйствования – хуторская и отрубная – признавались не отвечающими историческим и экономическим условиям региона, земельные органы обязывались принять все меры к ликвидации этих форм землепользования в тех селениях, где они ещё сохранились. В первую очередь проводилось землеустройство коллективных хозяйств и бедняцкой части деревни, которым отводились близкие и удобные земли в одном массиве. В процессе внутриселенного землеустройства земельные отводы отдельным гражданам должны были производиться таким образом, чтобы в дальнейшем без особой ломки в целом земельных участков селения можно было осуществить переход к коллективным формам землепользования путём передвижек или обмена отводами (ГААО. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 223. Л. 140-141).

Окончательный отказ от нэповских принципов земельной политики и поворот в сторону социалистической реконструкции земельных отношений произошёл с принятием Закона СССР «Общие начала землепользования и землеустройства» от 15 декабря 1928 г., разъяснявшим, что под национализацией земли следует понимать не только «отмену

навсегда частной собственности на землю», но и «установление на неё исключительной государственной собственности». Таким образом завершился процесс как формальной, так и фактической концентрации земельных ресурсов в руках государства [8, с. 385–386]. Землеустройство индивидуальных крестьянских хозяйств и сельских обществ было оставлено. Уже в 1929 г. работы по землеустройству колхозов и совхозов на Дальнем Востоке составили около половины всего объема работ [7, с. 50].

Подводя итоги анализу реализации земельной политики советской власти на Дальнем Востоке, можно сделать вывод о существовавшем конфликте интересов государства и крестьянства по земельному вопросу. Советская власть на протяжении всего нэпа решала в регионе задачу концентрации фактического контроля над земельными ресурсами в своих руках. Земельный Кодекс РСФСР 1922 г. внедрялся здесь с определенными оговорками. В частности, ограничение действия нормы Кодекса, предусматривавшей прекращение поравнения землепользования, имело своей целью начать в регионе процесс перехода к уравнительным нормам наделения землёй. Этой же цели в большей степени оказались подчинены внутриобщинные переделы земли, инициированные и всячески поддерживаемые властью, межселенное и внутриселенное землеустройство, в ходе которых ликвидировались пережитки сословности в землепользовании, уничтожались его подворно-захватнические формы. Несмотря на все предпринимаемые шаги, в конце 1920-х гг. советские функционеры признавали, что после революции произошла только «некоторая урезка земли у зажиточной верхушки» (ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 85. Л. 75). Остались нереализованными и меры, направленные на рационализацию индивидуального землепользования. Значительная часть крестьян-дальневосточников на протяжении всех 1920-х гг. не оставляла попыток сохранить за собой прежние земельные отводы. Деревня использовала все доступные способы защиты своих интересов: от отказа сельских сходов санкционировать навязываемые властями решения по земельному вопросу до попыток крестьян через землеустройство закрепить за собой права на занимаемые участки.

Литература

1. Бахарев В.К. Задачи землеустройства в Приморье // Экономическая жизнь Приморья 1924 . № 2 С. 71–75.
2. Дальний Восток России в период революции 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
3. Известия опытных полей Амурской области. Вып. 2. Благовещенск: Типо-лит.: «Благовещенск», 1918. 256 с.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. Т. 4: 1926–1929. М., 1984. 575 с.
5. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: Очерки истории / Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 416 с.
6. Кудрявцев И.Г. Аграрная политика ДВР в 1920–1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 214 с.

7. Лыкова Е.А., Проскурина, Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века: Коллективизация и её последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004. 188 с.
8. Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России. XVIII начало XXI века. М.: Наука, 2005. 639 с.
9. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России. 1855-1917 гг. Владивосток: ВГУЭС, 2006. 196 с.
10. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). М. – Иркутск – СПб., 1995. 259 с.
11. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 91–101.
12. Щагин Э.М. Очерки истории России, её историографии и источниковедения (конец XIX - середина XX века). М.: ВЛАДОС, 2008. 759 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bakharev V.K. Zadachi zemleustrojstva v Primor'e // *Экономическая жизнь Приморья* 1924 . № 2 S. 71–75.
2. *Dal'nij Vostok Rossii v period revolyutsii 1917 goda i Grazhdanskoj vojny.* Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 632 s.
3. *Izvestiya opytnykh polej Amurskoj oblasti.* Vyp. 2. Blagoveshhensk: Tipolit.: «Blagoveshhensk», 1918. 256 s.
4. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsij i Plenumov TSK (1898–1988) / Pod obshh. red. A.G. Egorova, K.M. Bogolyubova.* T. 4: 1926–1929. M., 1984. 575 s.
5. *Krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR XIX–XX vv.: Oчерки istorii / Pod red. A.I. Krushanova.* Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1991. 416 s.
6. Kudryavtsev I.G. *Agrarnaya politika DVR v 1920–1922 gg.* Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2004. 214 s.
7. Lykova E.A., Proskurina, L.I. *Derevnya Dal'nego Vostoka v 20-30-e gg. XX veka: Kollektivizatsiya i eyo posledstviya.* Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 188 s.
8. Medushevskij A. N. *Proekty agrarnykh reform v Rossii. XVIII nachalo XXI veka.* M.: Nauka, 2005. 639 s.
9. Osipov YU.N. *Krest'iane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii. 1855-1917 gg.* Vladivostok: VGUEHS, 2006. 196 s.
10. Pak B.D. *Korejtsy v Sovetskoj Rossii (1917 – konets 1930-kh godov).* M. – Irkutsk – SPb., 1995. 259 s.
11. Pol'skaya E.V., Stasyukevich S.M. *CHastnaya sobstvennost' na zemlyu na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 2012. Т. 4. № 3. S. 91–101.
12. SHHagin EH.M. *Oчерки istorii Rossii, eyo istoriografii i istochnikovedeniya (konets XIX - sredina XX veka).* M.: VLADOS, 2008. 759 s.